

А. А. Кретов

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ А.Т. ТВАРДОВСКОГО

Зарубежные читатели в силу разных причин мало знакомы с творчеством А.Т. Твардовского. У тех, кто не прикоснулся к художественному миру А.Т. Твардовского, есть все основания об этом пожалеть.

Кто же такой А.Т. Твардовский? Каков масштаб его творчества? К кому он ближе всего? Золотой век русской литературы (век XIX) дал двух величайших народных поэтов: А.С. Пушкина и Н.А. Некрасова. А.Т. Твардовский является единственным народным поэтом такого масштаба в XX веке. В советской литературе рядом с ним можно поставить лишь М.А. Шолохова. Из писателей XIX века ближе всех был А.Т. Твардовскому Л.Н. Толстой.

Свою задачу я вижу в том, чтобы ввести в художественный мир А.Т. Твардовского, познакомить, с его основными мотивами, идеями, темами. Удобнее всего это сделать на примере какого-нибудь небольшого произведения позднего периода. Во-первых, чтобы разговор не был беспредметным и слишком общим. Во-вторых, в любом даже самом малом художественном произведении поэта находит – так или иначе – отражение его художественная система. В-третьих, в позднем творчестве А.Т. Твардовского его художественный мир не только предстает в наиболее полном, законченном виде, но и позволяет судить о характере и направлении творческой эволюции писателя. В качестве такого небольшого произведения позднего периода творчества мы возьмем стихотворение 1969 г. "В случае главной утопии...", опубликованное уже после смерти поэта.

В случае главной утопии...

В случае главной утопии,
– В Азии этой, в Европе ли,
– Нам-то она не гроза:
Пожили, водочки попили,
Будет уже за глаза...

Жаль, вроде песни той, – деточек,
Мальчиков наших да девочек,
Всея неоглядной красоты...
Ранних весенних веточек
В капельках первой росы...

Стихотворение невелико, однако в этих 10 строках сказано многое, как выясняется при рассмотрении стихотворения на фоне всего творчества поэта.

Это стихотворение написано 15 марта 1969 года, в середине первого весеннего месяца, как раз во время "ранних весенних веточек". Видимо, вид их и послужил отправной точкой для "чувствуемой мысли" автора. В таком случае мысль поэта развивалась по тому же пути, что и в стихотворении "Жестокая память" (1951):

Куда ни взгляну, ни пойду я -
Жестокая память жива.
И памятью той, вероятно,
Душа моя будет больна,
Покамест бедой невозвратной.
Не станет для мира война. (3, 53)*

Эту же невозможность безмятежного любования природой встречаем и в более позднем стихотворении "В чем хочешь человечество вини..." (1968):

Перед какой безвестною зимой
Каких еще тревог и потрясений
Так свеж и ясен этот мир осенний,
Так сладок каждый вдох и выдох мой? (3, 198)

На этом фоне совмещение мотивов "всей неоглядной красоты" и войны в анализируемом стихотворении представляется глубоко закономерным. В тексте стихотворения слова война нет, его замещает словосочетание главная утопия. Трактовка этого выражения чрезвычайно важна для понимания всего стихотворения: почему утопия? почему главная? В современном литературном языке слово утопия означает фантазию, неосуществимую мечту и, следовательно, может употребляться для обозначения чего-либо выдуманного, несбыточного, нереального. Но разве война не реальна, не осуществима?

Для А.Т. Твардовского – человека, пережившего Великую Отечественную войну, это вроде бы и так. Еще в "Василии Теркине" в главе "В бане" (апрель 1945, 2, 424) впервые прозвучала надежда автора на то, что эта война была последней:

С песней тронулись колонны
Не в последний ли поход?
И ладонью запыленной
Сам солдат слезу утрет. (2, 324)

В поэме "Теркин на том свете" (1954-1963) надежда на мир выражена еще более развернуто:

Отгремел их край передний,
Мнится им в безгласной мгле,
Что была она последней,
Эта битва на земле;
Что иные поколенья
Всех предбудущих годов
Не пойдут на пополненье
Скорбной славы их рядов... (3, 351).

В таком контексте употребление слова утопия вместо слова война является, с одной стороны, выражением оптимизма автора, его надежды на мирное будущее человечества, но, с другой стороны, угроза новой войны постоянно ощущалась поэтом, она присутствует в его послевоенных произведениях:

Что ж, или тот урок забыт, И вновь, под новым только флагом, Живой душе <u>война</u> грозит, Идет на мир знакомым шагом? И, чуждый жизни, <u>этот шаг</u> ,	Врываясь в речь ночных известий, <u>У человечества в ушах</u> <u>Стоит, как явь и как предвестье.</u> (За далью – даль. 1950-1960, 3, 214)
---	---

* Здесь и ниже первая цифра указывает том по изданию Твардовский А. Т. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1976–1983, а вторая цифра – страницу.

Нет, не бесследны в мире наши дни,
Таящие надежду иль угрозу. (Береза. 1966, 3, 181).

Как явствует из приведенных примеров, утверждение Л. Лавлинского о том, что "самую возможность повторного массового кровопролития А.Т. Твардовский упорно не впускал в сознание" и что в анализируемом стихотворении мы имеем дело с "еще одним нравственным запретом, который был нарушен автором лишь в последние дни жизни" (Новый мир, 1977, № 7, с. 249), мало соответствует действительности. Вместе с тем Л. Лавлинский прав, отмечая, что слово *утопия* выглядит неожиданным и чужеродным – и в стихотворении, и в поэзии Твардовского вообще. Однако у А.Т. Твардовского это слово оказывается лукавым: оно светится двойным светом. С одной стороны, оно соотнесено с литературным, "ученым" словом *утопия*, отличаясь, однако от него тем, что обозначает не благую прекраснуюдушную фантазию, а фантазию злую, человеконенавистническую. С другой же стороны, слово *утопия* у А.Т. Твардовского сближается, соотносится со словами *утопить*, *потоп*, которые в поэзии Твардовского регулярно обозначают *войну*. Уподобление *войны потопу*, *морской стихии* встречается у поэта неоднократно:

Друг-читатель, я ли спорю,
Что войны милее жизнь?
Да война ревет, как море
Грозно в дамбу упершись.
(Василий Теркин. От автора)

Знать бы лучше наперед,
Что уйдет солдат из дому,
А война домой придет,
Что пройдет она потопом
По лицу земли живой...
(Василий Теркин, О потере)

Как видим, *утопия* пониматься может и как стихия войны, которая утопит всех и все, если ее не обуздать. В таком свете главная утопия выступает как перифраза всемирного потоп. Не случайно такая ассоциация возникла при анализе этого стихотворения и у другого исследователя: "Война здесь даже не названа, ее заменяют "утопия" и "гроза". И эта замена сообщает стихотворению вселенский, катастрофический смысл библейской легенды о конце света" (В.М. Акаткин, Поэтика литературы и фольклора, Воронеж, 1980, с. 105).

В том, что предложенное толкование правомерно, что это не наша выдумка, а сознательный прием поэта, легко убедиться, поскольку этот же прием – причем еще в более явном виде использован А.Т. Твардовским в стихотворении, написанном годом позже.

Хоть про сейчас, хоть про запас,
Но делать так работу,
Чтоб жить да жить,
Но каждый час
Готовым быть к отлету.
И не терзаться – ах да ох –

Что близкий или дальний –
Он все равно тебя врасплох
Застанет, час летальный.
(Что нужно, чтобы жить с умом? 1970 г.)

Слово *летальный* 'смертельный' – медицинский узкоспециальный термин латинского происхождения – кажется таким же инородным в этом стихотворении, как и слово *утопия* в предыдущем. Но и за этим словом скрыта ирония автора: ведь оно идет

после слова *отлёт* (души от тела), употребленного в значении 'смерть'. "*Готовым быть к отлету*" – готовым быть к смерти. А раз *отлет* – 'смерть', то *летальный* – 'смертельный, смертный'. Так, "неправильно", но совершенно по-народному, по-русски Твардовский подсказывает читателю абсолютно верное значение "иностранного" слова. Как *летальный час* – хоть так, хоть так – означает '*смертный час*', так и *утопия* (*главная утопия*) обозначает возможную *мировую ядерную войну*, *новый всемирный потоп*. Мысль о новом смертоносном оружии прочно вошла в сознание поэта:

<u>В наш век – век атомно-ракетный</u>	(Бомба! Глядя в потолок
Былых понятий фронта нет,	И о ней смекая,
Как нет былых понятий тыла.	Теркин знать еще не мог,
(За далью – даль. 3, 265)	Что – <u>смотря</u> какая.
	Что <u>от нынешней</u> – <u>случись</u>
Перекрытъя – не чета	<u>По научной смете</u>
Двум иль трем накатам.	– Так, пожалуй, <u>не спасись</u>
Вот где бомба ни черта	<u>Даже на том свете</u>).
Не проймет – Куда там!	(Теркин на том свете. 3, 327)

Исследователи уже отмечали, что слово *утопия* указывает на "эфемерную придуманность, выморочность войны"¹

Думается, с наибольшим основанием эти эпитеты можно отнести именно к ядерной войне. Слова "случись по научной смете" как бы перефразируются в строке "В случае главной утопии". Ведь термоядерная война существует для человечества именно как страшная выдумка – страшная фантазия, черный вымысел, порожденный сознанием людей². То, что *утопия* вместо прекрасной невозможности обозначает здесь ужасную возможность, разрушает автоматизм восприятия слова, остраивает его, как бы приглашая вдуматься в иные способы его осмысления.

В процитированном отрывке важна также мысль о том, что "от главной утопии" не спасись "даже на том свете", не говоря уже про "этот". Следовательно, "главная утопия" – это не только *война*, но и *смерть* – *мальчикам, девочкам, веточкам*, "*всей неоглядной красе*" и автору стихотворения.

Сделав такой вывод, мы подошли к еще одному моменту, чрезвычайно важному для верного понимания стихотворения "В случае главной утопии...", к интерпретации строк:

Пожили, водочки попили,
Будет уже за глаза...

На первый взгляд, слова о "водочке" в этом стихотворении говорят не в пользу автора и чуть ли не вызывают потребность защитить его от возможного обвинения в злоупотреблении алкоголем. Однако, если мы рассмотрим, что стоит за словами *водка*,

¹ Акаткина Е.Ф., Акаткин В.М., Указ. соч., с. 105.

² Ср. также фразу в "Теркине на том свете":

С доброй выдумкою рядом
Правда в целости жива.

Про "злую выдумку" – *утопию* можно сказать лишь прямо противоположное: она несет *смерть*; не случайно этот мотив пронизывает все остальные строки стихотворения.

вино в поэтике А.Т. Твардовского, мысль о подобном обвинении отпадет сама-собой.

Круг понятий, связываемый с вином, определился в довоенных произведениях поэта и в дальнейшем изменений не претерпевал. *Вино* у А.Т. Твардовского, в первую очередь, неотъемлемая часть праздника: свадьбы, встречи после долгой разлуки и т.д.

За пару новобрачную,

За их любовь удачную,

За радость нашу пьем.

(Страна Муравия. 1934-1936, 1, 305)

И сядем мы за стол в кружок

И за вином пошлем в ларек.

И выпьем мы, как долг велит.

Без лишних споров и обид.

(Друзьям. 1939, 1, 204-205).

Выпить в праздник, по народным представлениям, разделяемым поэтом, не только не зазорно, но даже "долг велит".

Водку (вино) герои А.Т. Твардовского употребляют и в чисто лечебных целях, как то, что поддерживает в человеке тепло, жизнь ("люди теплые, живые"), приближаясь в этом плане к сказочной "живой воде":

Доктор, доктор, а нельзя ли

Изнутри погреться мне,

Чтоб не все на кожу тратить?

Дали стопку – начал жить...

(Василий Теркин. 1941-1945, 2, 181)

– Кабы мне глоток-другой

При моем раненье,

Я бы, может, ни ногой

В ваше заведение...

(Теркин на том свете. 1954-1963, 3, 335)

Кроме того, герои А.Т. Твардовского пьют, "к разговору":

– Всем ты, дед, весьма хорош

И всегда мне дорог

Вот одно, что водку пьешь...

– Пью, но к разговору.

(Еще про Данилу. 1938, 1, 178)

Жил, служил шофером,

За рулем был строг,

Впору, к разговору,

Также выпить мог.

(Шофер Артюх. 1940, 2, 13)

Веселее от вина

Повелися речи.

(Еще про Данилу. 1938, 1, 178)

Вино для А.Т. Твардовского является также символом дружелюбия, тем, что сближает людей, располагает друг к другу, связывает:

Моргунок утерся строго:

– Не гляди, что выпил я...

У тебя своя дорога,

У меня, отец, – своя.

(Страна Муравия. 1934-1936, 1, 257)

Приняв угощение попа, Моргунок уже чувствует себя обязанным ему, отсюда его строгость и слова "не гляди, что..." при невозможности принять предложение того, с кем он разделит трапезу.

"Он (старичок) расстелил платок на травке и расположил на нем хлеб, яйцо, две луковички и только что откупоренную... четвертинку. Я поздоровался и

пожелал приятного аппетита.

– Садись – поднесу, – спокойно предложил он... Это "поднесу" было исполнено приветливости и достоинства.... Я вежливо отказался.

(...) И мне таки жаль теперь, спустя столько времени, жаль, что я отказался, как будто я тогда заодно отказался от многого-многого, что кажется теперь таким дорогим и невозвратимым". (Родина и чужбина. 1942-1945, 2, 227).

С кем я не был, с кем я не пил,
В первый раз, в последний раз...
С кем я только не был дружен
С первой встречи у огня.
(Василий Теркин. 1941-1945, 2, 329)

Стоим и жадно курим оба.
Полны взаимного добра,
Как будто мы друзья до гроба
Иль вместе выпили с утра.
(За далью – даль. 1950-1960, 3, 222)

Как видим, и здесь отношение к питию чисто фольклорное, народное: разделить угощение с человеком – это проявить доверие, дружелюбное расположение к нему.

Кроме того, водка в произведениях А.Т. Твардовского – это и награда за честный труд и отдых после трудов праведных:

– Выпил, ну и что же?
Отдыхай на славу.
– Нет, постой, а может,
Не имею права?..
Но никто ни слова.
Дед работал век.
(Про Данилу. 1937, 1, 141)

Как нигде не потечет,
– Разговор короткий:
Вам и слава и почет
И по чарке водки.
(Еще про Данилу. 1938, 1, 173)

А Данила: – Что хвалить?
Надобно проверить:
Полон сруб воды налить,
Затворивши двери.

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
– А еще нельзя ли стопку.
Потому как молодец?
(Василий Теркин. 1941-1945, 2, 181)

И, наконец, водка предстает у А.Т. Твардовского символом полноты жизни, как одна из ее радостей и ее, жизни, неотъемлемая часть.

Показательны в этом отношении рассуждения Теркина, попавшего "на тот свет":

– Нет, а я оттуда выбыл,
Но и здесь, в загробном сне,
– То, что я не съел, не выпил,
– Не дает покоя мне.
Не добрал, такая жалость,

Там стаканчик, там другой.
А закуски той осталось
– Ах ты, сколько – да какой!
(Теркин на том свете, 1954-1963, 3, 366)

Как видим, водка, вино у А.Т. Твардовского не являются синонимами пьянства и алкоголизма. В поэтической системе Твардовского водка – это часть праздника, часть дружеского разговора, то, что наполняет людей "взаимным добром"; это и отдых после труда и награда за честный труд и то, что согревает человека в стужу, что поддерживает в нем тепло жизни; это проявление полноты

жизни, одна из радостей ее. Не случайно в "Теркине на том свете", где собрано все, от чего исходит "мертвый дух" нет и намек на обличение вина и пьянства. "Мертвая вода", присутствующая в поэме, выполняет свою сказочно-фольклорную функцию, а глоток-другой *водки* мог бы спасти Теркина от путешествия на тот свет, следовательно, *водка* в поэтике А.Т. Твардовского целиком принадлежит "этому свету", т.е. *жизни*. В поэме "За далью – даль" (1950– 1960) "кружка с дымным самогоном" нашла свое место среди всего того добра, которым жизнь не обошла поэта:

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла....
Ни кружкой с дымным самогоном
В кругу певцов и мудрецов – (3, 254)

Подводя итог, можно сказать, что "водочка" в поэтической системе А.Т. Твардовского является символом радостной, полной жизни. Так, словам Теркина, сказанным в серьезном тоне:

Мне как раз пожить охота,
Я и не жил-то еще...
(Василий Теркин. 1941-1945, 2, 274)

соответствуют слова, окрашенные юмором:

Не добрал, такая жалость,
Там стаканчик, там другой.
(Теркин на том свете. 1954-1963, 3,366)

Если сравнить с этим слова:

Пожили, водочки попили,
Будет уже за глаза...
(В случае главной утопии. 1969, 3,202)

то мы как бы услышим голос поэта: да, прожита счастливая жизнь, в который были и праздники, и веселье, и тепло, и добро, и дружба, и душевные разговоры. За словом "водочка" стоит, по сути дела, все "то добро" и "то тепло", "участье и пристрастье", что вошло от людей в душу поэта, что "дало изведать счастье" и за что автор чувствует себя "у стольких душ людских в долгу" (Ни ночи нету мне, ни дня. 1955, 3, 76).

Но если Теркин "не добрал" от жизни, "и не жил-то еще", то о себе А.Т. Твардовский говорит: "Будет уже за глаза". И в этих словах выразилось предчувствие близкого конца, ощущение прожитости жизни, которое впервые глухо, как бы случайно, прозвучало в послевоенной лирике, а затем поэме "За далью – даль" (1950-1960):

И вот они легли меж нами	войнами,
– Леса, и горы, и моря,	смертями
И годы, годы с их мечтами,	– Вся жизнь его,
Трудами,	<u>Вся жизнь моя...</u> (3, 259).

Более отчетливо это ощущение прозвучало в стихотворениях "В живых-то меня уже нету" (1966), "На сеновале" (1967), "Там-сям дымок садового костра" (1967), "На дне моей жизни" (1967) и некоторых других. В таком ряду слова "будет уже за глаза" – это мужественное принятие своего конца. Но строки

Пожили, водочки попили,
Будет уже за глаза.

означают не только это. Ключ к их пониманию мы находим в стихотворении 1938 года "Ивушка":

Умер Ива балагур
Знаменитый табакур.
Правда ль, нет – слова такие
Перед смертью говорил:
Мол, прощайте, дорогие,
Дескать, хватит, покурил.
(Ивушка, 1938. 1, 153).

Нетрудно заметить, что "хватит, покурил" и "попили, Будет уже за глаза" – это своеобразная устойчивая формула, в которой переменными являются "покурил" и "попили". Особо важно то, что это предсмертные слова, те слова, с которыми человек покидает мир. В стихотворении "Ивушка" А.Т. Твардовский поясняет, раскрывает смысл этих слов:

Будто тем одним и славен, Будто, прожив столько лет, По себе печник оставил Только трубку да кiset. <u>Нет, недаром прожил Ива,</u> <u>И не все курил табак,</u>	<u>Только скромно, нехвастливо</u> <u>Жил старик и умер так.</u> Золотые были руки, Мастер честью дорожил. Сколько есть печей в округе Это Ива все сложил.
---	---

Заменяв в этом отрывке "печник Ива" на "писатель Твардовский", а курение табака на употребление спиртного, мы уже совсем по-другому поймем слова "Пожили, водочки попили, Будет уже за глаза". В этом отрывке есть много тем, дорогих и позднему Твардовскому: и тема мастерства, и тема прощания с жизнью, и тема подведения итогов.

Вместе с тем тут мы обнаруживаем и существенное отличие позднего А.Т. Твардовского от раннего: ранний А.Т. Твардовский находит "себя" в других, отсюда его эпичность, повествовательность, поздний же Твардовский обнаруживает этих самых "других" в себе, и отсюда его лиричность. Ср. итоговый завет Мастера:

"Найти себя в себе самом
И не терять из виду".
(Ни ночи нету мне, ни дня. 1955, 3, 76)

Продолжая аналогию со стихотворением "Ивушка", пользуясь им как

ключом, мы должны сказать, что и А.Т. Твардовский "славен" не "тем одним", что пил "водочку", а своим творчеством, но как раз о самом главном, что он сделал в жизни, о том, что он дал людям, сделал для людей, автор и отказывается говорить, вслед за своим народным героем считая, что это было бы нескромным хвастовством и оставляя судить об этом тем, для кого он писал:

Без нас отлично подведут итоги
И, может, меньше нашего наврут.
(Допустим, ты свое уже оттопал. 1968, 3, 199).

К мысли о смерти герои А.Т. Твардовского, в том числе и лирический герой анализируемого стихотворения, относятся очень спокойно и прощание с жизнью стремятся смягчить шуткой, юмором, упоминанием о куреве, выпивке или еде:

А слова перед кончиной
Он какие произнес? (...)
– Жаль, – сказал, – что до обеда
Я убитый натошак.
(Василий Теркин. 1941-1945. Глава "От автора")

Этот ответ – вполне в духе народных героев А.Т. Твардовского, близких В ЭТОМ ОТНОШЕНИИ к народным героям В. Шекспира (Фальстаф), М. Сервантеса (Санчо Панса) и Ф. Рабле.

Обращение позднего А.Т. Твардовского к темам, идеям и образам довоенного периода носит не случайный, а закономерный характер. При этом происходит, с одной стороны, их транспонирование, перенос в лирическую плоскость, например.

В "Василии Теркине", в главе "О себе" (январь 1943, 2, 422) есть примечательные строки:

И скажу тебе, не скрою, -	Я за все кругом в ответе,
В этой кние, там ли, сям,	И заметь, коль не заметил,
<u>То, что молвить бы герою.</u>	Что и Теркин, <u>мой герой.</u>
<u>Говорю я лично сам.</u>	<u>За меня гласит порой.</u> (2, 245)

Эти слова могут быть отнесены ко всему творчеству А.Т. Твардовского с той поправкой, что в довоенный период чаще герой А.Т. Твардовского говорил за автора, а в послевоенный – автор за героя.

Если до войны автор адресовал совет герою, то после войны такой же совет автор дает уже самому себе.

Как отмечают авторы коллективной монографии "«Василий Теркин» – народная эпопея" – (Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1982 г.), этот процесс можно проследить и в "Василии Теркине": в начале книги больше "героя", а чем ближе к концу, тем больше усиливается лирическое начало, тем больше становится "автора". В послевоенных поэмах, например, в поэме "За далью – даль" этот процесс привел к превращению "автора" в "героя":

Того-другого званья нету:
Всего героев – ты [читатель – А.К.] да я.

До войны:

Шутка-шуткой. А дубьё
Нарубил – неси до места.
Дослужи, Данила, честно,
Дальше дело не твоё. (Дед Данила в лес идет. 1939, 1, 217),

После войны:

А если сил и жизни целой,
Готовой для любых затрат,
Не хватит вдруг, чтоб кончить дело,
То ты уже не виноват. (Самому себе. 1951, 3, 65).

Нет, лучше рухнуть нам на полдороге,
Коль не по силам новый был маршрут.
Без нас отлично подведут итоги
И, может, меньше нашего наврут.
(Допустим, ты свое уже оттопал... 1968, 3, 199).

С другой стороны, происходит уточнение, углубление, а то и переосмысление некоторых мотивов раннего, довоенного периода, нашедшее свое наиболее яркое воплощение в поэме "По праву памяти" (1963-1969) (см. журналы "Знамя, 1987, № 2 и "Новый мир", 1987, № 3).

Итак, жизнь прожита, прожита хорошо и уже смерть не страшит – ни естественная, ни противоестественная "по научной смете". "В самом деле: о чем толковать, о чем хлопотать тревожиться перед лицом вселенной и вечности, перед лицом неизбежной смерти?" Однако такое использование смерти в качестве "укрытия для душевного эгоизма" было глубоко чуждо А.Т. Твардовскому, считавшему "более достойной позицией" перед лицом смерти "ясное и мужественное сознание пределов, которых не миновать, вместе с жизнелюбием и любовью к людям, чувство ответственности перед обществом и судом собственной совести за все, что делаешь и должен еще успеть сделать на этом свете" (О Бунине. 1965).

В художественном мире А.Т. Твардовского человек живет и умирает, думая не о себе, а о людях:

А застанет смертный час,
Мы к тому готовы.

Лишь бы дети, говорят,

Были бы здоровы...

(Василий Теркин. 2, 183)

И лихой, нещадной стужи

Не бранили, как ни зла:

Лишь бы немцу было хуже,

О себе ли речь там шла!

(Там же. 2, 184)

Встряхнулся виновато:

– Да о себе ли я?

А вот жена, ребята,

Одно сказать – семья... и

(В пути. 1943, 2, 113-114).

Это "да о себе ли я?" связано с самой сердцевиной миропонимания А.Т. Твардовского. Для А.Т. Твардовского и его героев все самое дорогое,

находится вне их, поэтому и перед лицом смерти их не оставляют заботы и труды:

Есть завет на случай сей:
Ты хоть завтра собирайся
Помирать, а жито сей!
(Новоселье. 1955, 3, 117)

В полном согласии с этим народным заветом и на пороге жизни и смерти А.Т. Твардовский не позволяет себе "забвенья тревоги и боли насущной (3, 174) и "сеет свое жито", оружием стиха защищает жизнь на земле. Он не впадает в панику, не пугает людей ужасами войны, а говорит лишь "жаль". Чего жаль? **Жаль песни**, деточек, красоты земли, весны, веточек – жизни.

"Стороны родной смоленской грустный памятный мотив" (2, 199) звучит и в "Василии Теркине". С новой силой эта песня зазвучала в 60-ые годы в стихотворениях "Мне сладок был тот шум сонливый" (1964), "Памяти матери" (1965). В статье "О Бунине" (1965) автор упоминает "отголосок далекой песни в вечернем летнем поле", который "прерывает строй наших привычных забот и размышлений". В поэме "За далью – даль" среди "добра, полученного от жизни в дорогу" автор не забывает упомянуть "и песен матери родной" (3, 253).

А как понимать выражение "*жаль песни*"? Какие чувства, какой строй души оно обозначает? Ответ на этот вопрос находим в следующих стихах:

... Что ж ты плачешь?	Что нельзя к груди прижать?
<u>Песни ль жалко</u>	На столе поет машина
Или горькой жизни той?	И молчит старуха мать.
Или выросшего сына.	(Песня. 1, 108-109).

Сложное, глубокое, невыразимое чувство возникает от песни в груди, чувство, которое может найти выход лишь в слезах:

Как вдруг он с дальнего покоса
Возник в тиши вечеровой,
Воскресшей песни отголосок
На нашей родине с тобой.
И на дороге, в темном поле
Внезапно за душу схватив,
Мне грудь стеснил до сладкой боли
Тот грустный будто бы мотив...
(За далью – даль. 3, 314-315).

"Жаль, вроде песни той, – деточек", – говорит поэт, имея в виду, видимо, какую-то определенную песню. О какой же песне идет речь? О грустной старинной народной песне, которую женщины поют в поле, и отголоски которой далеко разносятся в вечернем воздухе, о той памятной песне, которая неразрывно связана с воспоминаниями о матери, о детстве, о родной стороне. Начиная с 30-х годов, не смолкая, звучит эта песня в произведениях

А.Т. Твардовского: "Песня" (1936), "Не стареет твоя красота" (1937), "Матери" (1937), "За тысячу верст..." (1938), "Поездка в Загорье" (1939).

Важно отметить, что в понимании А.Т. Твардовского песня является также своеобразным показателем жизни народа: "доброй вестью" (3, 314), которая свидетельствует, что жизнь "идет как надо". Не случайно, песня в поле ставится автором в один ряд с "целиной и дерзким росчерком ракеты, что побывала за Луной" (3, 315).

Размышляя о возможной войне, поэт думает прежде всего о детях. Стихотворение "В случае главной утопии..." подводит итог многим размышлениям автора на тему "дети и война". "Дети и война, – писал А.Т. Твардовский в книге "Родина и чужбина" (1942-1945), нет более ужасного сближения противоположных вещей на свете" (4, 268). Творчество поэта полно живых картин детского горя. В строках анализируемого стихотворения:

Жаль, вроде песни той, – деточек,
Мальчиков наших да девочек. (3, 202).

В годы Великой Отечественной войны А.Т. Твардовский не мог пройти мимо этой темы. В стихотворении "Армейский сапожник" (1942) читаем:

Сынишка сидит сиротою
С немецкой гармошкой губною
На чьей-то холодной печи. (2, 79).

В стихотворении "Возмездие" (1944) поэт воскрешает память о той девочке,

Что в дула ружей глядя
Спросила с детской простотой:
– Чулочки тоже, дядя? (2, 135).

В стихотворении "Две строчки" (1943) А.Т. Твардовский видит "по-детски маленькое тело" "бойца-парнишки". (2, 121). И концентрация всего этого в скупых словах солдата в стихотворении "В пути" (1943):

– Все ничего, детишек,
Детишек только жаль... (2, 114).

Столь же губительна война и для "ранних весенних веточек", которые в поэзии А.Т. Твардовского являются символом жизни:

Ветер злой навстречу пышет,
Жизнь, как веточку, колышет,
Каждый день и час грозя.
(Василий Теркин. 2, 224)

Зачем в такой недобрый срок
Зазеленела веточка?
Зачем случился ты, сынок,
Моя родная деточка?
(Дом у дороги. 2, 372)

Этот же символ и этот мотив снова повторяется в пяти строчках анализируемого стихотворения:

Жаль, вроде песни той, – деточек,
Мальчиков наших да девочек,
Всей неоглядной красоты...
Ранних весенних веточек
В капельках первой росы... (3, 202)

Странными и несостоятельными кажутся вызванные будто бы этим стихотворением рассуждения Л. Лавлинского о том, что "даже для крупной личности существуют пределы возможного, и, сполна выразивший свое время, А.Т. Твардовский оставил незанятые территории, которые предстояло осваивать другим", то есть "более молодым, не воевавшим поэтам", которые "пишут сильные, заряженные ненавистью к войне и милитаризму стихи".

"В случае главной утопии..." – не "уступка жестокой реальности, нарастающему чувству гражданской тревоги", как считает Л. Лавлинский, а никогда не оставлявшее поэта внимание к "жестокой реальности" и пронизывающее все его творчество чувство народной тревоги. Писалось это стихотворение "ради жизни на земле" в самом прямом и актуальном смысле этих слов. Как видим, стихотворение "В случае главной утопии" стягивает воедино многие важнейшие мотивы художественной системы А.Т. Твардовского, что и позволяет "войти через него" в художественный мир поэта.

Выходные данные статьи:

Кретов А.А. // Аспект-Aspekti (Орган Ассоциации преподавателей русского языка в Финляндии), 1987, № 2 (37). – Helsinki: Типография Хельсинкского университета, с. 14-31 [ISSN 356-9608].